

Резникова Н.В.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры мирового хозяйства и международных экономических отношений Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина
Эл.почта: r_nv@ukr.net

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И РЫНКА В ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

В статье анализируется проблема согласования национальных и глобальных экономических интересов. Рассмотрена эволюция концепции государственного развития. Дискутируется способность государства выполнять возложенные на него функции в условиях вызовов глобализации.

Ключевые слова: глобализация, государство, экономическая зависимость, экономическое развитие.

Актуальность темы. Глобальные и локальные трансформации обостряют проблему сохранения национальными государствами экономического суверенитета. Более того, глобализация экономики внесла значительные изменения в процесс государственного регулирования воспроизводственных процессов, ограничив возможности национальных правительств разрабатывать правила и нормы общественной жизни, а также осуществления независимой внутренней и внешней политики. Сегодня мир готов воспринять более радикальное отличие между понятиями «глобализация» и «интернационализация». Это же касается «международного менеджмента» (управление между нациями-государствами и культурами) и «глобального менеджмента» (управ-

ление взаимными связями и взаимозависимостью всех типов глобальных участников, а не только наций-государств).

Обзор литературы. Постановка общей проблемы. Системные исследования международных отношений, получившие развитие в 60-70-е годы XX столетия на Западе, вылились в 80-90-е годы в дискуссию о глобализации, под флагом которой обсуждалось превращение глобального рынка в доминанту мировой политики всеобщей либерализации международных экономических отношений, которая должна была не только ускорить процесс «стирания» национальных экономических границ, но и в итоге принести в жертву глобализации сам экономический суверенитет государств. В этом - одна из существенных характеристик «нового экономического порядка». Р. Кеохан и Дж.-С. Най [7], П. Кругман и А. Венейбл [8] считают, что глобализация сегодня - это более глубокие связи, которые затрагивают многих людей и отношения во взаимосвязанных сетях. Г. Арриги, Б. Силвер, Б. Брюер [1], Дж.А. Шольт [12] делают вывод, что современный этап глобализации представляет растущую мировую взаимозависимость/взаимные связи, быстрое и прерывистое изменение, растущее количество и разнообразие участников и растущую сложность.

Трансформационный тезис глобализации убеждает, что глобальные взаимные связи будут создавать новые связи и ликвидировать некоторые существующие. Д. Хелд [5] предполагает, что сами отношения между государствами будут суще-

ственно реконфигурированы, а соотношение существующих полномочий изменено. Б. Паркер [9], в свою очередь, настаивает, что первоочередные последствия глобализации в каждой из сфер улучшают взаимосвязи и стимулируют следующие последствия в своих сферах глобальной деятельности.

Цель и научное задание. Поиск эффективного взаимодействия государства и рынка в контексте антагонизма национального и глобального представляет собой важное научное задание, предопределяя цель исследования в выявлении точек их соприкосновения.

Изложение основного материала. Основой тезисов концепции государственного развития являются отношения между государством и бизнес-сектором — особенно с учетом направления финансирования промышленных инвестиций. В отличие от условно полярных моделей либерального капитализма свободного рынка и плановой экономики социалистического государства концепция государственного развития рассматривается как иная политическая экономика, которая сочетает в себе элементы рынка и плана, связывая «смешанную экономику» с политико-идеологическим подходом, предопределяющим авторитарную технократию с относительно равномерным распределением доходов и богатства. Основные инструменты концепции государственного развития сформированы вокруг принципа, согласно которому существующие относительные цены и другие сигналы рынка должны быть преднамеренно модифицированы

путем выборочных тарифов, субсидий и доступа к финансам, чтобы вызывать прыжок в темпах и направлении накопления капитала.

Хотя это было бы целесообразно рассматривать как попытку превзойти советский опыт, поскольку орган планирования определяет привилегированные секторы, концепция государственного развития использует, а не подавляет частный сектор и мотив получения прибыли. Между тем авторитарный характер государства гарантирует, что конкурирующие интересы на основе класса, разделения классов или сектора подчиняются целям государства, которые представлены, и в значительной степени определяются требованиями индустриализации и технического прогресса. Государство может также руководить путем налогообложения ресурсов, необходимых для обеспечения общественных благ, например, образования, здравоохранения, тогда как их эффективность гарантируется веберовской рациональной бюрократией, согласно которой ресурсы производятся и распространяются в соответствии с потребностями промышленного развития.

Одним из адептов развития роли государства была Л. Вайс, утверждавшая, что государственное развитие существенно эволюционировало в плоскость, как она определила, «управляемой взаимозависимости», которая характеризовалась более сбалансированными отношениями, возникающими между частным бизнесом и государством после массового отказа от общественной собственности и планирования [13]. Более того, она настойчиво утвержда-

ла, что глобализация позволяет эффективным государствам стимулировать экономический рост и развитие, усиливая их преимущества на международных рынках, изменяя государственное развитие в «превращающее» состояние [14].

Идеология неолиберализма, как правило, рассматривается как современный вариант классического экономического либерализма, который, в свою очередь, базируется на вере в саморегулирующую вменяемость рынка и коррелятивно в необходимость ограничения сферы деятельности государства. Эти убеждения фиксируют две особенности подобной идеологической традиции: антиномию государства и рынка, с одной стороны, политику и экономику в их соответствующих сферах деятельности, с другой.

В классической политической экономике идеология либерализма исторически присуща становлению капитализма как способа производства и буржуазии как господствующего класса. В этом переходе политический шаг от абсолютизма к буржуазной или конституционной демократии тесно связан с экономическим переходом от остальных феодальных ограничений относительно прав собственности к власти денег и коммерциализации всех ресурсов, и особенно рабочей силы. Это две стороны одной медали, неразделимые аспекты проекта, который К. Поланьи назвал «рыночным обществом» [10].

Как наиболее соответствующая политическая идеология нового правящего класса, либерализм отрицает как свое историческое разграниче-

ние, так и скрытый эксплуататорский характер капитализма. Он делает это, частично представляя свои ключевые элементы как неизменную необходимость: например, государство в реальной международной среде или рынок в экономике, а частично - за счет строительства или реконструкции современности, образования, общества, правосудия, эффективности и тому подобное, с тем чтобы сформировать набор понятий, которые взаимно определены и ссылаются друг на друга. В то же время, как и любая ведущая идеология, она сохраняет потенциал для пересмотра и уточнения.

Классики справедливо рассматривали становление капитализма как революционный прорыв, сосредоточенный на способе производства, но этот прорыв испытывал неприятие на протяжении значительного промежутка времени и везде: даже в Западной Европе он едва завершился в конце XIX-го века после 300 лет борьбы. Действительно, нынешний период неолиберальной глобализации, по убеждению Т.-Дж. Байрса, можно рассматривать как завершение процесса первичного капиталистического накопления в постколониальном мире, утверждая это совсем с иной точки зрения [2].

Многие авторы ставят под сомнение то, каким образом понятия «национальное» и «глобальное» связаны в популярном дискурсе глобализации [5; 9; 13]. Сам термин обозначает процесс эволюции от предыдущего к последующему, а следовательно, кажется вполне естественно представить формы социальной организации, которые появ-

ляются сначала как локальные явления в пределах определенной территории, а потом постепенно распространяются путем широких связей в культурной и политической жизни, как и в экономике и технологиях. Впрочем, если, по существу, нет принципиальной антиномии между национальным и глобальным (если речь идет о возможных конфигурациях или избегании напряженности, которая возникает от территориального несовпадения), тогда можно поспорить. Поскольку неолиберализм больше отвечает новому этапу глобализации, оппозиция неолиберализма должна приобретать форму, которая поддерживает возобновление прогрессивного национального капитализма.

Главным аргументом обновленных дискуссий стало утверждение, что государство при капитализме, прежде всего и в первую очередь, является формой капитала: то есть именно его существование как социальной формы, институционно отделенной от общества, произрастает из социального отношения капитала. Как пишет Н. Пуланцас об отношениях государства и экономики, подобная структура капиталистических производственных отношений в дальнейшем генерирует относительное размежевание государства и экономической сферы [11]. Это разделение государства и пространства воссоздания капитала, характерное для капитализма, скорее всего, является особенностью капитализма, поскольку оно, по убеждению Н. Пуланцаса, отображает новые пространства для государства и эко-

номики, превращая каждый их элемент [11].

Проблема заключается, однако, в понимании того, как форма этих новых пространств и их взаимосвязи изменяются на протяжении исторического развития капитализма. В частности, понятие «относительной автономии» государства - идея, которую наиболее тесно ассоциируют с трудом Н. Пуланцаса, — на практике невозможно отличить от «существенной автономии», которую он отрицает [11]. Пересматривая классические позиции в начале XX века, с одной стороны, позиция догматического марксизма приняла экономически-технологический редукционизм, в котором производительные силы являются причиной изменений в производственных отношениях. С другой стороны, ревизионисты социал-демократического марксизма приняли как реальность появление государственной автономии и были убеждены, что политическим формам буржуазного общества могли бы придать радикальное классовое содержание избирательные успехи рабочих партий. Исторический провал этих двух политических идеологий в XX веке следует отнести, по крайней мере, частично к их неспособности окончательно отделиться от буржуазной концепции экономики и политики как отдельных сфер.

С практической точки зрения, по-видимому, реальной сложностью критики капитализма является то, что подавляющая либеральная политическая гегемония, которая формирует форму и функции государства, тянет за собой согласованность идей, интересов и институтов, кото-

рые формируют относительную целостность. Именно поэтому попытки 1970-х годов подтолкнуть государство от встроеного либерализма к встроеной социальной демократии нуждались в рискованной и амбициозной стратегии «за и против государства» одновременно. Понимание тонких способов, с помощью которых государственное общество стремилось предотвратить проблемы все более требовательного рабочего класса, должно было начаться с возвращения к истокам - критике политической экономии.

Современные критики неолиберального капитализма, верные своим кейнсианским убеждениям, в действительности рассматривают государство политически нейтральным, если существует потенциальный предмет для того, чтобы овладеть особенными интересами, например, масштабное финансирование или радикальные профсоюзы; они рассматривают рынок как инструмент размещения ресурсов, а не эксплуатации. Для этой традиции опыт политики регулирования доходов в 1960-х и 1970-х годах являлся иллюстрацией опасности проведения глубокого государственного вмешательства, чтобы склонить чашу весов «смешанной экономики» в пользу фундаментальной отправной точки, в которой стоимость рабочей силы и отраслевая структура накопления капитала уже являются не результатом конкуренции на рынке, а результатом государственных решений.

Самой яркой иллюстрацией реальных ограничений, установленных капиталом относительно роли государства в передовых промышленно

развитых странах, являются ключевые события 1970-х годов: на глобальном уровне - распад золотого стандарта доллара; в Великобритании - блокирование в 1974 г. манифеста преданности рабочего класса масштабному производственному планированию; восстание буржуазии в Швеции против плана Майднера, в соответствии с которым работники будут размещать свои пенсионные взносы для покупки компаний, нанимавших их, в объединенные инвестиционные фонды [15]. Таким образом, необходимо осознать глубинные трансформации в самой природе зависимости, когда возможности ее конфигураций.- в привычных терминах центра, полупериферии, периферии, - дополнились комбинациями государства и капитала, где, более того, именно капитал определял вектор государственного развития.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил украинской ученой Н. Гражевской констатировать существование двух крайних взглядов на интерпретацию будущего наций-государств в условиях глобализации экономики [16, с.278]:

1) исследователи, которые считают государство «ведущим глобализатором», акцентируют внимание на том, что постиндустриальный прорыв и достижение успехов в глобальной конкуренции невозможны без активной роли национальных правительств;

2) сторонники противоположного подхода пишут о «конце эры государства» и полном его отмирании.

По мнению последних, «национальные государства разрушаются или исчезают» под воздействием сил, которые «имеют транснациональную природу», а государственное регулирование превращается в «виртуальную реальность». Н. Гражевская, делая такие обобщения, принимает во внимание, что глобализация не только унифицирует и гомогенизирует мировое экономическое пространство на основе новейших факторов экономического роста, но и обогащает, разнообразит модели и типы экономического развития в результате трансформации национально-государственной структуризации экономики [16, с.280],

Девяностые годы XX века ознаменовались пропагандой тезиса относительно признания государства иррелевантным и не способным обеспечить собственную базовую функцию, которая ассоциируется с безопасностью. Сокращение индивидуальных свойств государства позиционировалось как едва ли не аргумент в пользу его отмирания, которое распространялось на дальнейшее закрепление исключительно экономической и коммерческой интерпретации внешнеэкономических связей. Впрочем, можно согласиться с позицией Т. Бордачева, Д. Сулова и М. Братерского относительно того, что подобное «моноэкономическое» утверждение не учитывает огромного количества примеров, которые демонстрируют нелинейность и порою ограниченность влияния экономических факторов на внешнеполитические решения государств [17, с.121]. Примерами политически детерминированных внешнеэкономических связей насыщена послевоенная история

прошлого века, которая нашла свое отображение, среди прочего, в рамках Совета экономической взаимопомощи. В то же время «план Маршалла» - классический пример политически обусловленного экономического проекта - создал мощный рынок стран Западной и Центральной Европы, способный аккумулировать значительные объемы американской продукции уже в среднесрочной перспективе, надолго гарантировал США отсутствие нежелательных кризисов перепроизводства и обеспечение стабильных темпов роста.

Ссылаясь на Дж. Стиглица, К. Оффе, Р. Нуреева, В. Колесова и И. Гладий, Н. Гражевская предлагает рассматривать в качестве приоритетных следующие функции государства в условиях глобализации [16, с.286-287]:

- определение и реализация стратегических национальных интересов, формирование национальной модели социально-экономического развития, способной обеспечить органическое вхождение экономики страны в транснациональные воспроизводительные циклы;

- содействие институциональным изменениям, направленным на утверждение общецивилизационных принципов социально-ориентированного рыночного уклада, исходя из того, что при современных постсоциалистических превращениях рынок «не опирается на стихийную эмерджентную эволюцию, которая обычно являлась господствующим образцом в истории западных капиталов-первопроходцев», а создается «согласно проекту, который разрабатывается политическими элитами» и «зависит в малейших де-

талях от решений, которые требуют обоснования»;

- укрепление национальной конкурентоспособности, стимулирование инновационного развития, влияние на текущую деятельность международных экономических организаций и тому подобное;

- защита национальной безопасности, предупреждение финансовых спекуляций, контроль ключевых ресурсов и отраслей экономики с целью противодействия негативным проявлениям глобализации, защита от бедности и обездоливания, международной преступности и терроризма.

Выводы. Признавая стремление автора не только систематизировать существующие исследования роли государства в условиях обострения вызовов глобализации, порождаемых ею, но и обобщить подходы как западных ученых, так и представителей экономической науки постсоветского пространства, следует подчеркнуть определенный идеалистический взгляд на положение вещей. В частности, надо обратить внимание на то, что само по себе продуцирование стратегических национальных интересов не может быть лишено давления со стороны транснациональных воспроизводительных циклов, а следовательно, является реакцией на существующие условия мирового хозяйства, которые складываются, исходя, в первую очередь, из интересов рынка. Более того, влияние на текущую деятельность международных экономических организаций, как это продемонстрировал последний пересмотр квот в МВФ, является невозможным даже в условиях стремительного роста роли развивающихся

стран на современном этапе развития международных экономических отношений.

Роль государства по защите национальной безопасности, предложенная Н. Гражевской в терминах предупреждения финансовых спекуляций, контроля ключевых ресурсов и отраслей экономики с целью противодействия негативным проявлениям глобализации, защиты от бедности и обездоливания, международной преступности и терроризма, выглядит слишком амбициозной и обреченной на провал. Приходится настаивать, что контроль ключевых ресурсов и отраслей экономики растворяется в приватизационных схемах, защита от бедности и обездоливания - в стремлении капитала максимизировать прибыль, а международная экономическая преступность инспирируется налоговыми гаванями. Идея предупреждения финансовых спекуляций также кажется неспособной к реализации, ведь ситуация на различных рынках свидетельствует о несостоятельности имеющихся экономических инструментов, а также методов финансовой и денежной политики предотвращать коллапс экономических пузырей. В то же время надо подчеркнуть, что процесс глобализации не «отменяет» государства, а усложняет, дифференцирует, наполняет новым содержанием ее функции, «встраивая» национальную экономику в намного более сложные структуры общепланетарного уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Arrighi G., Silver B., Brewer B. Industrial convergence, globalization,

and the persistence of the North-South divide [Electronic resource] / G. Arrighi, B. Silver, B. Brewer. - Mode of access: <http://www.oppapers.com>.

2. Byres T.J. Neoliberalism and primitive accumulation in less developed countries / T.J. Byres // *Journal of Monetary Economics*. - 2005. - Vol.42 (2). - pp 83-90.

3. Caballero R. Bubbles and capital flow volatility: causes and risk management / R. Caballero, A. Krishnamurthy // *Journal of Monetary Economics*. - 2006. - Vol. 53(1). - P. 33-53.

4. Farhi E. Bubbly liquidity [Electronic resource] / E. Farhi, J. Tirole // Mode of access: <http://ideas.repec.org/p/tse/wpaper/21965.html>.

5. Held D. Transformation : Politics, Economics and Culture / D.Held // Stanford, Stanford University Press. - 1999.-521 p.

6. Hommes C. Coordination of expectations in asset pricing experiments / C. Hommes, J. Sonnemans, J. Tuinstra, H. van de Velden // *Review of Financial Studies*. - 2005. - Vol. 18(3).-P. 955-980.

7. Keohane R, Power and Interdependence [Electronic resource] / R. J. Keohane, J.-S. Nye // Longman. - 1989. - Mode of access: <http://www.inct-ineu.org.br/homolog/filipe/01-powernye.pdf>.

8. Krugman P. Globalization and the inequality of Nations [Electronic resource] / P. Krugman, A.Venables // *The Quarterly Journal of Economics*. - 1995. - Vol.110(№4). - Mode of access: http://www.gonzalo.depeco.econo.unlp.edu.ar/economia_aglomeracion/krugman-venables95.pdf.

9. Parker B. Introduction to Globalization and Business. Relationships and Responsibilities / B. Parker // Sage Publications, London. - 2005. - 525 p.

10. Polanyi K. La Grande Transformation: Aux origines politiques et économiques de notre temps / K. Polanyi // Editions Gallimard, 2009 - 467 p.

11. Poulantzas N. The capitalist state: a reply to Miliband and Laclau / N.Poulantzas // *New Left Review*. - 1976. - Vol.95, -pp.63-83.

12. Scholte J.-A. Globalization: a critical introduction. [Electronic resource] / J.-A. Scholte // New York : StMartins Press. - 2000. - Mode of access: <http://www.amazon.com/Globalization-Introduction-Jan-Aart-Scholte/dp/0333660226>.

13. Weiss L. States in the Global Economy : Bringing Domestic Institutions Back In / L.Weiss // Cambridge UP.-.2003. --295 p.

14. Weiss L. The Myth of the Powerless State : Governing the Economy in a Global Era / L.Weiss //Cornell University Press. - 1998 - 260 p.

15. Wilks S. Class compromise and the international economy: the rise and fall of Swedish social democracy / S.Wilks // *Capital and Class*. - 1996. - Vol.58.-pp.89-111.

16. Гражевська Н.І. Экономические системы эпохи глобальных изменений. -К.: Знание, 2008. - 431 с.

17. Братерский М. В. Невоенные рычаги внешней политики России: глобальные и региональные механизмы/ Рук.:М. В. Братерский; под общ. ред.: М. В. Братерский. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. - 282 с.